

Темные картины на воде, их отвесили в сторону.
Как детские игрушки, что выросли в гигантов
И с укором воскресили тех,
Кем мы так и не стали.

Тумас Транстрёмер
«СИРОС»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя предыдущая книга «Байки из Петли» рассказывала о том, каково было расти возле Петли в те времена, когда эпоха «Риксэнерджи» подходила к концу. Книга охватила период с начала восьмидесятых до выхода Петли из эксплуатации в 1994-м, тогда на смену «Риксэнерджи» пришла частная компания «Крафта». Однако история Петли на этом не закончилась. Пока я работал над предыдущей книгой, я уже понимал, что четыре года — с 1995-го по 1999-й — после закрытия Петли и сопровождавшие этот период странные события потребуют отдельного тома.

Про Меларенскую утечку и последующий скандал вокруг «Крафты» много писали. В последние три года минувшего тысячелетия новости об этом событии появлялись в газетах ежедневно. Я не преследую цели объяснить случившееся и не намерен провоцировать дальнейшие спекуляции или поддерживать многочислен-

ные теории заговора, возникшие за все эти годы. Нет, вместо этого, как и в «Байках из Петли», я хочу описать воспоминания о собственном взрослении на границах ломающихся литосферных плит. Настоящая хроника охватывает период второй половины 90-х годов. С тех пор случилось несколько потрясших мир вещей, которые попали в учебники по истории как события, знаменующие конец одной эпохи и начало другой. Самым драматичным из них стал внезапный сдвиг полюса зимой 2001 года, мгновенно и бесповоротно положивший конец работе торговых магнетринных путей в Северном полушарии. В результате образовалось огромное кладбище кораблей, получившее название Пояса Смерти. Меларенская утечка и последовавшая за ней деконструкция Петли — события примерно такого же масштаба, по крайней мере в рамках истории Швеции они тоже знаменуют конец эпохи.

В повседневной жизни мир трансформировался медленно и незаметно — менялся дизайн дверных ручек и панелей сигнализации, менялись оттенки искусственного света в лампах и уличных фонарях, менялся шрифт на вывесках метро; люди ремонтировали ванны, стелили новые полы, перекрашивали кухонные шкафы. Все это — мелочи, но часто, когда оглядываешься назад и складываешь их вместе, они кажутся не менее очевидным свидетельством перемен, чем внезапный индустриальный коллапс.

Перемены — это двигатель, который медленно, но неизбежно движет общество вперед, оставляя прошлое в сгущающейся дымке мифов и смутных догадок. Это билет в один конец, ведь невозможно вернуться в те земли, что исчезают в тумане позади. Единственная тропка между настоящим миром и прошлым скрыта глубоко в на-

шем подсознании, где-то на расплывающейся пунктирной линии между памятью и воображением — именно туда я и надеюсь вас перенести.

За моим окном опускается тьма — на тот самый пейзаж, что двадцать один год назад сдался под натиском Потопа. В сумерках трудно различить детали, привнесенные в него неумолимым течением двух десятилетий. И трудно отделить память от реальности, поэтому мой разум вольно заполняет лакуны. На закате поле выглядит как скованное льдом озеро. Так легко поверить, что Потоп вернулся.

Саймон Столенхаг, Кунгсберга, февраль 2016

ТЕМНЫЕ ПЯТНА

Никто из жителей Меларена, в основном занятых упаковкой рождественских подарков и сочинением праздничных гимнов, не заметил темных пятен в снегу за церковью в Фарентуне. Они не обратили внимания и на то, что пятна стали больше после второго воскресенья адвента. Все проигнорировали странные звуки и неприятные запахи, поднимающиеся из сливных отверстий и водопроводных кранов весь декабрь. С ноября осталась незамеченной и покрывшаяся причудливой скульптурой из коричневого льда полевая шляпа в Сетуне.

А потом наступил канун Рождества, и уже в утренние часы большинству жителей северного Фарингсе стало ясно, что Рождество 1994-го войдет в историю вовсе не из-за новых рождественских гимнов. Проснувшись, люди обнаружили, что их подвалы затопила ледяная коричневая вода.

ВОДА

Было очевидно, что это протечка из Петли. Дождевая вода не могла быть причиной: зима в этом году пришла рано, и земля замерзла к началу декабря. Выглядело все так, будто огромный подземный комплекс полностью затопило — каждый туннель, каждое помещение, каждая крошечная ниша и труба исторгали воду.

Мысленно возвращаясь в тот день, я помню главным образом свой восторг. Происшествие это казалось чем-то крутым — я бегал по дому, стараясь впитать каждую деталь окружающего хаоса. Больше всего меня интересовала лестница в подвал, исчезнувшая в глубокой и мерцающей толще жидкости. Ее тускло освещала лента пластиковой гирлянды, которую мы повесили на перила накануне — и которая каким-то чудом избежала замыкания. В глубине подвала сонно скользили обрывки размокшей бумаги и газет, как будто кто-то отменил гравитацию.

Мама стояла в коридоре в пальто и ботинках, зажав телефон между ухом и плечом, и кричала на людей из экстренных служб, одновременно запихивая одежду в чемодан. День стал еще лучше, когда бригада пожарных, прибывшая на корабле «Корсар», высадилась у нас на заднем дворе и люди затопали к дому в тяжелых ботинках, газовых масках и с топорами в руках.

Если бы я знал тогда, что увижу свою комнату только три года спустя, то, должно быть, не ощущал бы такого радостного возбуждения, когда дизельные двигатели корабля подняли нас над пропитанным водой пейзажем...

БЕРГГАРДЕН

Мы прибыли в Берггарден около трех часов дня. После медицинского осмотра и серии тестов нас с мамой временно определили в библиотеку Берггардена. Это оказался очень милый лагерь беженцев — там было много света и еды, соседи делились историями о Потопе, дети бегали между длинных рядов с книгами, — но мы оставались там совсем недолго. На следующий день после прибытия, как раз когда мы наслаждались импровизированным рождественским ужином, в библиотеку ворвался Ларс Риббинг в полицейской униформе. Ларс Риббинг был новым парнем моей мамы и единственным штатным полицейским южного Фарингсе.

Я видел огромные корабли, прибывающие из северного Фарингсе, пока мы заносили вещи в дом Ларса Риббинга. Их вид заставил меня остановиться с коробкой в руках: такие огромные корабли редко путешествовали на юг — и вот они были прямо у меня перед глазами, три гигантских грузовых судна одновременно!

Я ощутил, как внутри меня появилось нечто зловещее. Что-то изменилось в мире. И это что-то было странным и пугающим, только я не мог решить, к чему оно относилось: к огромным кораблям или к раскатистому хохоту Ларса Риббинга, доносившемуся из дома.

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДЕБИЛ И ГИППОПОТАМ

Когда классы северного Фарингсе объединили с классами Берггардена, вся социальная иерархия полетела к чертям. Старые, домашние порядки ушли в прошлое, и я больше не знал, как себя вести.

Я бегал по автобусу взад и вперед, надоедая своим одноклассникам. Я кричал: «Йонк» — каждый раз, хлопая кого-нибудь по голове. Некоторые злились и орал в ответ: «Хватит, ты, придурок!» Другие нервно смеялись с выражением, в котором явно читалось: «У парня совсем сорвало башню». Кастет, карманный громила Джимми Крафтлинга, развернулся и, потянувшись через сиденье, задрал мою футболку и больно ухватил меня за бока. «Гиппо-о-о-о-о!» — проревел он. В автобусе воцарилось подобие молчаливого консенсуса: вот мы, двадцать восемь человек, сидим в автобусе и вынуждены мириться с одним безнадежным идиотом. Даже учителя не выносили меня в этом состоянии — если Рольф оказывался в автобусе, он одергивал меня и шипел: «А НУ СЕЙЧАС ЖЕ СЯДЬ НА МЕСТО».

Хуже всего я переносил реакцию Джимми Крафтлинга на мои выкрутасы — он просто смотрел на меня своими огромными оленьими глазами, и взгляд его был красноречив, в нем читалось: «Ты насекомое, и ты мне отвратителен». Это немного сбивало с толку, и я даже мог притормозить на какое-то время. Однако необходимо было действовать быстро — ни при каких обстоятельствах я не мог показать, что это меня задевает. Так что я выпрыгивал в проход между сиденьями и бегал по нему с задранной футболкой, толкая одноклассников своим тяжелым, раздутым животом.

